

деце «в уязвимом месте» (II, 3, 14); *tiryak* «в поперечном направлении» вместо, *atiryak* «в продольном направлении» (IX, 1, 18); *hāḥaka* (?) вместо *kharvaḥaka* «шип» (IX, 2, 26); *vanadurga* «лесная крепость» вместо *nadidurga* «речная крепость» (X, 2, 20) и т. д. При соответствующей трактовке текста, разумеется, можно выбирать те или иные чтения. Тем не менее нам представляется мало убедительным чтение *castrānugata acastritam* (I, 9, 11), принятое и Ганапати Шастри, по сравнению с другим чтением *castrānugata-castritam*, принятым в Лахорском издании. Оба варианта суть определения к слову *kastram* «власть кшатриев». В первом случае получается значение: «следуя учению, хотя сама и безоружная», во втором — «вооруженная в соответствии с науками». В русском издании Артхашастры предпочтение отдано второму чтению, ибо кшатрии в ту эпоху как воинское сословие представляли собой вооруженную силу. В самой Артхашастре (I, 3, 6) говорится о том, что одной из обязанностей кшатрии является «добывание средств к жизни оружием, или военным делом» (*castrājīva*) (см. об этом русск. пер. стр. 18 и 571, прим. 8).

В целом критический текст Артхашастры, где учтены все существующие разночтения, приводимые полностью в постраничных примечаниях и этим представляющие возможность самому исследователю памятника делать выбор или иных вариантов, кажется нам более полным и вносящим значительные улучшения. В своем критическом издании Артхашастры *шри* Кангле принимает чтение имени предполагаемого автора трактата *Kauṭilya* вместо *Kauṭalya*, ссылаясь на Дж. Джолли и П. В. Кане, а также на два санскритских произведения: *Kadambari*, сочинение Баны, и *Mudrāgākṣasa*, сочинение Вишакхадатты (стр. 8). Интересно отметить, что такое же чтение — *Kauṭilya* — принято и в русском переводе Артхашастры, которое вышло на год раньше (1959 г.) и где в доказательство принятого чтения приводятся совершенно аналогичные ссылки на отдельные исследования и памятники (стр. 523 и сл.).

В конце книги приложен словарь важнейших, необычных и технических слов, обпаруженных в тексте памятника. Словарь ограничен в объеме (стр. 1—80). Он стремится дать значения только таких слов и выражений, которые имеют техническое значение или же употребляются в особом или необычном значении в данном тексте. Приведем некоторые из них: *Abhyantarakora m.* An insurrection of an officer of the interior—9, 3, 12; 8, 1, 58; 8, 2, 2; 9, 2, 6. Русский перевод: «внутреннее волнение» (стр. 391; 394), «внутренние беспорядки» (стр. 367; 695). *Kaumarabhr̥ṭya m.* A specialist in prenatal care and the bringing up of children — 1, 17, 25. Русский перевод: «врач-повивальщик» (стр. 41; 578). *Dvaidhībāva m.* Making peace with one King and war with another, 7, 1, 11. Русский перевод: «двойственная политика» (стр. 292; 409; 671; 700). *Pracāstr m.* The director of labour corps in the army, 10, 1, 8; 17: Administrator (?), 1, 12, 6; 5, 3, 5. Русский перевод: «охранитель порядка», «начальник охраны порядка» (стр. 413), «начальник лагеря» (стр. 29, 572), «смотритель войск» (стр. 271, 667). *Mantrayuddha n.* Diplomatic war. 7, 13, 29; 9, 2, 5; 12, 1, 17; 12, 2 (title). Русский перевод: «тайные средства борьбы» (стр. 340, 679), «дипломатическая борьба» (стр. 437, 711). *Viṣṭi = f.* Labour, labourers, 1, 4, 1; 2, 1; 35; 2, 15, 63; sappers and miners, 9, 2, 9; 10, 1, 9; 17; 10, 4, 17. Русский перевод дает следующие значения: «обязательный труд» (стр. 19; 54; 565; 583; 605), «обязательные (принудительные) работы» (стр. 65; 589), «работники (подневольные)», (стр. 413; 701), «нестроевые части» (стр. 422; 705).

Словарь этот с подробными сносками на отделы, главы и сутры текста памятника, где данное слово встречается, будет весьма полезен для изучающих этот памятник.

Настоящее издание критического текста Артхашастры, равно как и выход в свет второй и третьей частей обширного труда, будет, несомненно, встречено всюду с большим интересом и явится вкладом в индологическую науку.

В. И. Кальянов

L. R. PALMER, *Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets*, L., Faber and Faber, 1961, 264 стр. 17 табл., 44 рис.

Со времени выхода «Documents in Mycenaean Greek» Вентриса и Чадуика прошло восемь лет, однако за все это время не появилось ни одного обобщающего

труда по крито-микенской культуре и общественному строю. Кроме Вентриса и Чадуика никто не сделал так много в области чтения и комментирования ми-

кенских надписей, как оксфордский профессор сравнительного языкознания Л. Р. Палмер. Естественно было ожидать, что именно он напишет такую книгу; и действительно, до сих пор не появилось ни одной книги, содержащей так много нового и интересного, как книга Палмера. Достаточно хотя бы взглянуть на ее оглавление: 1. Розыски Пилоса; 2. Лицейное письмо В и его расшифровка; 3. Страна пилосцев; 4. Мир табличек; 5. Последние дни Пилоса; 6. Таблички и эгейская пранстория; 7. Приход греков. Как видно отсюда, содержание книги значительно шире дешифровки и толкования микенских надписей.

Однако нельзя не признать, что более близкое ознакомление с книгой несколько разочаровывает читателя. У Палмера вошло в привычку прежде, чем обращаться к специалистам, апеллировать к широкой публике, которая не в состоянии критически подойти к исследуемому им материалу. Так было, например, с его новой датировкой критских надписей лицейного письма В (1150 г. вместо 1400): заметки в неспециальных газетах и журналах с кричащими заголовками рекламного характера, передачи по радио и т. д. В Англии это, может быть, и принято, нас же это настораживает.

Точно так же и разбираемая книга представляет собою популярное изложение открытий Палмера не только без ссылок на литературу вопроса, на работы единомышленников и противников, но и без ссылок на номера надписей, из которых он черпает свою информацию. Правда, Палмер отсылает читателя-специалиста к своей книге «The Interpretation of Mucenaean Greek Texts» (Oxf., 1963), но книга эта во время написания рецензии еще не вышла. Такое превосходное аргументированное научное труда имеет поэтому два недостатка: читатель, не владеющий материалом надписей, примет на веру то, что является лишь реконструкцией, иногда фантастической, Палмера, а читатель-специалист должен каждый раз ломать себе голову, восстанавливая в памяти те надписи, которые привели Палмера к его смелым заключениям.

К этому надо еще прибавить, что Палмера чрезвычайно интересует вопрос о приоритете. Как во всех аналогичных случаях, к одному и тому же толкованию обычно приходит ряд исследователей одновременно; Палмер во всех этих случаях говорит с гордостью о своем открытии, причем даже сомнительные свои догадки он характеризует как стоящие «выше всякой дискуссии». Как справедливо замечает в своей рецензии на эту книгу Руиг¹, Палмер «очень часто хочет произвести

впечатление, что все существенные открытия, сделанные в области микенологии, имеют источником исключительно проницательность Палмера».

Не будучи специалистом ни в области восточных языков и истории древнего Востока, ни в археологии, я для соответствующих глав книги удовольствуюсь лишь кратким изложением содержания, отсылая читателя-специалиста к уже появившимся подробным рецензиям этих разделов², а здесь остановлюсь на четвертой и пятой главах «Мир табличек» (стр. 90—131) и «Последние дни Пилоса» (стр. 132—155).

Наиболее важное открытие Палмера — это отнесение кносских табличек письма В не к XV—XIV вв., как полагал Эванс, а к тому же времени, что и пилосские таблички. Если по Эвансу конец XIV—XII вв. были на Крите эпохой невежества и запустения, когда лишь отдельные части дворцов были на скорую руку реставрированы невежественными «скваттерами», то Палмер считает именно эти века временем высшего расцвета греческой культуры на Крите; только дорийское нашествие, по его мнению, положило конец этому расцвету. Не будучи археологом, я не в состоянии судить о правильности этого открытия с археологической точки зрения; отмечу лишь, что к такому же выводу пришел, правда, с недостаточной аргументацией, независимо от Палмера и раньше его такой крупный археолог, как Блеген, и что Палмер кладет в основу своих возражений записи секретаря Эванса — Маккензи, неправильно использованные Эвансом. Укажу еще только, что с точки зрения истории, — культурной и языковой, — необходимо отдать предпочтение взгляду Палмера: полное совпадение языка, терминологии и деталей государственного устройства в кносских и пилосских надписях делает невероятным хронологический промежуток между временем написания этих надписей в 200 лет. Однако, когда Палмер считает кносские надписи даже более поздними, чем пилосские, с ним нельзя согласиться. Он ссылается на то, что выражению классической эпохи $\sigma\tilde{\eta}\tau\epsilon\varsigma$ (атт. $\sigma\eta\tau\epsilon\varsigma$) «в этом году» соответствует на Пилосе (Ma 225,2) $\kappa\upsilon\alpha\upsilon\epsilon\tau\epsilon$, а в Кносе якобы (Od 606) — $\sigma\upsilon\alpha\upsilon\epsilon\tau\epsilon$. Но ни значение этого кносского слова не вытекает из контекста надписи, ни для засвидетельствованного написания (85) $\upsilon\tau\epsilon$ не доказано чтение $\sigma\upsilon\alpha\upsilon\epsilon\tau\epsilon$, так как чтение (85) как $\sigma\upsilon\alpha$ весьма произвольно. Не говорю уже о том, что, как показывает ряд аналогичных примеров —

² Например, Ph. H. J. Houwink ten Cate, там же; P. Chantraine, «Revue de Philologie», 3 ser., XXXVI (1962), № 2, стр. 266 слл. и др. См. также ниже аннотацию В. Ш., стр. 192 сл.

¹ C. J. Ruijgh, «Mnemosyne», 4 ser., XV, (1962), № 3, стр. 277 слл.

ср., например, Tutieü (Сп 4, 6) и Tusi-eü (Ап 519,7); теорорја (Od 696) и теорорја (Е 1058, 5671), — такие параллельные формы могли сосуществовать.

Соображения Палмера о географическом распределении пилосских поселений также вызывают ряд справедливых возражений. В интересной схеме на стр. 83 он исходит из неверного предположения, что все пилосские поселения были выстроены в одну линию вдоль побережья; между тем сам же Палмер (стр. 81) замечает, что в царство Нестора входила и часть Аркадии. В таком случае даже расположение названий поселений в списке по провинции Deweoaokoja не могло не быть несколько произвольным, что же касается списков поселений по провинции Pegaakoja, то в них вообще нет постоянного порядка. У нас даже нет оснований вслед за Палмером сказать, что все поселения в списках военных отрядов группы Ап лежат на берегу моря, так как заголовок надписи Ап 657 «Какие охранные (отряды) сторожат побережье» может относиться только к отрядам, упоминаемым в надписи Ап 657, а не во всех надписях этой группы. Нет основания также³ подобно Палмеру (стр. 141) считать административным центром одной из двух провинций (Pegaakoja) Левктр (Reukotoko) или Видеть (стр. 89) в Puro Rawaratijo некий другой город, отличный от Пилоса, столицы государства.

Нельзя также согласиться с Палмером (стр. 85), что упоминаемое в пилосских надписях селение Pi(82) есть гомеровское Φειάι. Как указал уже Чадуик⁴, это вероятно: сам же Палмер (стр. 83; см. Strabo, VIII, 3, 26) указывает, что Алфей был северо-западной границей царства Нестора, а Φειάι, судя по описанию путешествия Телемаха, лежали к западу от Алфея. В II, IX, 149 перечисляется ряд городов на восточном берегу Мессенского залива, которые Агамемнон обещает дать Ахиллу. Они названы у Гомера *véatai Póloü ímatéevtoç*, что может по-гречески означать только «крайние в (области) песчаного Пилоса». Палмер (стр. 80, прим. 1) называет этот перевод «курьезным образцом школьной учености» и переводит «next to sandy Pylos», хотя такой перевод неверен. Он не понимает, как мог Агамемнон дарить Ахиллу города, принадлежавшие Нестору. Но и при переводе Палмера остается тот же недоуменный вопрос: как мог Агамемнон дарить Ахиллу города, принадлежавшие Менелаяу?

³ S. Iuria, Zu den neugefundenen pyliischen Inschriften, «La parola del passato», 73(1960), стр. 241 сл., особенно 245 сл.

⁴ J. Chadwick, Burocrazia di uno stato miceneo, «Rivista di filologia», LX (1962), № 4, стр. 353.

В вопросе о местонахождении Пилоса, столицы Нестора, Палмер приходит к тем же выводам, что и я в моей книге «Язык и культура» (М.—Л., 1957, стр. 189 сл.).

Гипотеза Палмера, согласно которой надписи письма Л написаны малоазийскими лувитами, колонизовавшими Крит, пока остается недоказанной: она основана на слове Jasadagami, которое звучит так же по-лувийски; однако это название божества характерно не только для лувитов, но и для других народностей Малой Азии; вдобавок название божества могло быть и заимствованным⁵.

Перейдем к более подробному разбору основной главы «Мир табличек» (гл. 4).

В предисловии к этой главе автор справедливо спорит с Финлессом, утверждающим, что Гомер описывает не микенскую эпоху, а положение вещей в IX—VIII вв.: Палмер стремится показать, что это — микенское общество. Это верно лишь постольку, поскольку Гомер (как показал уже Нильссон) не вносит невольно в свой рассказ анахронистических черт из постемикенской эпохи.

Переходя к социальному строю, Палмер продолжает настаивать на своей старой тезе, по которой микенское общество было феодальным, но те оговорки, которыми Палмер теперь снабжает это утверждение, по моему мнению, придают этому понятию смысл, сильно отличающийся от общепринятого. Как и я («Язык и культура», стр. 223 сл.), Палмер замечает (стр. 97): «Демос был органом, которому поручено было обдумывать вопросы и высказываться по их поводу — на это указывает и то, что участки земли получают „от демоса“». На стр. 98 он продолжает: «Это не демос „Илиады“ (который только выслушивал то, что говорили представители знати)... Есть указания, что весь основной земельный фонд распределялся демосом...». Очевидно, это совсем не похоже на феодальное государство древнего Востока, где собственником всей или большей части земли был царь. Для доказательства того, что общественный строй микенской эпохи был все же феодальным, Палмер толкует название членов высшего класса микенского общества — телестов (te-reta) — как «бароны». «Телесты», по его мнению, были людьми на царской службе и, предположительно, получали землю от царя (стр. 93 сл.); «телест был на царской службе, по-видимому, в оплату за то, что он получал от царя землю ki-timena» (стр. 97). Об этом словечке «по-видимому», «предположительно» (presumably), однако, Палмер забывает: в прочих частях книги о «феодальном»

⁵ Houwink ten Cate, ук. соч., стр. 285 сл.

строе говорится как о несомненном факте. Между тем в надписи Ег 312 речь идет о «темене» (temeno) царя, «темене» воеводы и о наделах теретов. Очевидно, вся эта земля имеет один юридический источник. Мы знаем, однако, что «темен» выделялся царю народом (см. П., VI, 194: καὶ μὲν οἱ Λύκιοι τέμενος τάμον ἔζοχον ἄλλων). Очевидно, и воеводе, и теретам их наделы выделялись народом, а это очень непохоже на феодальный строй.

Далее Палмер неоднократно говорит в своем труде, что главное имение (the main estate) царя находилось в Pakijanes. Источника для этого утверждения он не указывает, но речь может идти только о документах — Un2 и E. 1) Un2 читается Pakijasi mujomeno ori wanakate «В Пакиях посвященные в таинства по ванакту» (далее следует длинный список продуктов). Но на стр. 124 сам же Палмер говорит о том, что в надписях группы Fг словом Wanaka назывался не царь, а бог (a young god). Слово mujomeno (μυσέμενος «посвященный в таинства») показывает, что и здесь речь идет о боге Wanaka и о приношениях в его храм, а не о царе. 2) Палмер утверждает, что во всех надписях группы Еб, Ер, Еп и Ео речь идет о распределении земель в имении царя в Pakijanes. Но в надписях групп Еб и Ер говорится о распределении земель, полученных от п а р о д а (paro damo), и непонятно, какое отношение к этому имеет царь. В надписях же групп Еп и Ео речь идет о распределении земель, полученных от 13 частных владельцев; если даже считать этих частных владельцев теретами (против чего я возражаю в своей книге), то, как мы видели выше, нет основания думать, что kotona kitimena — не их частная собственность, а получена ими от царя. Правда, упоминаемые в этих и других надписях ремесленники и должностные лица называются царскими (wanakatero), но из этого только следует, что они были на службе у царя и получали от него жалованье (разумеется, натурой, например, продуктами, одеждой и т. д.), а не то, что они получали от царя землю. Вдобавок Палмер (стр. 93) вслед за Беннеттом показывает, что надписи Un 718 и Ег 312 составляют продолжение одна другой и что, следовательно, часто упоминаемый влиятельный сановник Ekegawo не то же лицо, что царь. Если так, то о функциях и правах царя нам решительно ничего не известно; очень возможно, что эти функции были чисто сакральными (см. ниже).

Ничего не говорят о феодализме в микенской Греции и сообщения надписей о воеводе (rawaketa). По мнению Палмера (стр. 92 сл.), воевода имел в Tino огромное имение (в 130 больших или 7800 малых единиц) и из этих земель награждал «ленами» своих служащих. Вся эта тео-

рия зиждется на надписи Ег 59. Здесь мы читаем, что некто Кретеи держит 2 большие меры земли kekemena kotona, 1,8 меры такой же земли от главного свинопаса, 3 меры от народа (paro damo), 5 мер «за коня», 5 мер неизвестного происхождения (текст обломан) и, наконец, 2 меры paro rawakesijo E[—], что, по мнению Палмера, очевидно, означает из «воеводского (фонда)». Но, как мы видим, здесь речь идет о kotona kekemena, земля, получаемой «от народа» (paro damo). Земля, которую сдает свинопас, как мы знаем из других надписей, тоже земля «от народа». Paro rawakesijo E[—] без труда дополняется paro rawakesijo E[umene]; этот Eumene rawakesijo нам известен из надписи Еа 822. Значит, и эти 2 меры Кретеи держит от частного лица, состоящего на службе у воеводы. Поэтому мы имеем полное основание считать, что и 5 мер «за коня» Кретеи получает не из воеводского фонда, а также от народа. От воеводского имения не остается ничего. Правда, на обороте этой надписи произведено сложение на абаке неизвестных нам чисел и получено 138 единиц, но что именно здесь складывается — неизвестно. Непонятно также, почему Палмер считает упоминаемого здесь Кретея «воеводским возничим» («the Charioteer of the War-Leader — amotewo»); amotewo упомянут в надписи Еа 421, откуда мы узнаем, что его имя вовсе не Kereteu, а .]teijo.

Палмер дает (стр. 101 и др.) стройную картину бюрократической иерархии в Пилосском государстве. Во главе всей царской канцелярии стоит Alkoites; государство разделено на две губернии: Deweroakoraijo и Peraakoraijo. Губернатором Deweroakoraijo является (85)kewa Damokoro; губернатором Peraakoraijo — Teroseu. Столица первой губернии — Пилос, столица второй — Левктр (Reukotoko). Вице-губернатор в каждой губернии называется дума, дума губернии Deweroakoraijo — Dunijo. Во главе каждого селения и его «уезда» стоят командир (korete) и вице-командир (porokorete).

Вся эта иерархия представляется мне недостаточно обоснованной. отождествление (85)kewa с Damokoro основано на неправильном переводе θῆξε словом «похоронил» в выражении (85)kewa teke damokoro в надписи Та 741; θῆξε без дополнения не означает «похоронил», (85)kewa — здесь подлежащее, а damokoro — прямое дополнение. В надписи Он 300 имя Damokoro читается в числе должностных лиц по Deweroakoraija, а имя Teroseu — в числе должностных лиц по Peraakoraija. После Damokoro обломано название занимаемой им должности; однако он ничем не выделяется из ряда других начальников селений. При Teroseu действительно не обозначена его должность, но из надписи Jo 438, 14 мы узнаем, что это — начальник селения Tinwents

(Teroseu Tinwasijo korete) — один из многих начальников селений. Палмер подчеркивает, что Теросей и (85)kewa вносят золота больше, чем большинство koretere, но это ничего не доказывает, так как такое же количество золота вносят 10 начальников из 24, причем даже один из вице-начальников (porokoretere, стр. 3) вносит такое же количество золота, как Teroseu и (85)kewa. Нет также никакого основания видеть в duma (вернее, da₂ma) вице-губернаторов каждой из двух губерний. В списках начальников селений On 300 и Jo 438 фигурируют и da₂mate, однако в ряде случаев от слова da₂ma уцелело только ma; в заголовке надписи Jn 829 читаем: Koretere da₂mate porokoretere; такой порядок уместен только в том случае, если da₂mate по рангу равны или несколько ниже koretere. Из списка Jo 438, в самом деле, видно, что в некоторых селениях сохранились старые, неунифицированные названия начальников — morora₂ и da₂ma.

Переходя к вопросу о землевладении и землепользовании, отметим, что Палмер правильно видит в причастии kekemena перфект от глагола ke¹o. Но когда он замечает (стр. 98): «Я привел этот глагол в связь... и анализировал микенское слово как причастие от глагола kei», то ошибается: я так толковал это слово уже в 1955 г.⁶ Палмер правильно подметил, что документы группируют держателей земли по их функциям (стр. 96). Однако это только те и де н ц и я; в надписи En74 канарец «валяльщик» стоит и в начале списка арендаторов teojo doega (стр. 3) и в конце его (стр. 24) м е ж д у teojo doega. Неверно также замечание, что «тереты не были сгруппированы вместе с культовыми должностными лицами» (стр. 96) — единственный упоминаемый в числе держателей земли в этих надписях терет — Wanatajo tereta в надписи En 609, 15 — упомянут между двумя teojo doega.

Очень остроумны, на первый взгляд, допущения Палмера, что паек взрослого мужчины относился к пайку взрослой женщины и к пайку ребенка как 5:2:1 (стр. 112 сл.), но и здесь дело не обошлось без небольших натяжек. Сумма продуктов, выдаваемая в каждой из этих надписей на группу работниц, состоящую из женщин и детей, несколько превышает ту сумму, которая получается, если посчитать на каждую работницу две меры, а на ребенка одну меру. Но при каждой такой группе обычно еще стоит TA или DA, или TA DA. Если посчитать TA = 2, DA = 5, то сумма точно получается. Палмер полагает, что TA — это женщи-

на-надзиратель, а DA — мужчина-надзиратель. Но остается непонятным, почему, например, группа из двух женщин и одного ребенка (Ab 745) обходится без надзирателей, а к одной женщине (Aa 785 = Ab 388) приставлена надзирательница, почему число надзирателей не находится ни в какой связи с величиной группы и т. д. Палмер основывается на расчете, что две меры ячменя эквивалентны одной мере пшеницы, но кносский материал не всегда подтверждает это: здесь часто количество ячменя равно количеству пшеницы. В пиловской надписи An 128 на лицевой стороне указано 161 1/2 мер пшеницы и еще 161 мера неизвестного провианта (идеограмма обломана); на обороте указано 322 1/2. Как правило, фиговые отпуски точно в таком же количестве, как пшеница; Палмер считает (стр. 114), что неизвестный провиант — это фиго, а указанное на обороте количество ячменя есть замена 161 1/2 мер пшеницы двойным количеством ячменя. Но $161 \frac{1}{2} \times 2 = 323$, а не $322 \frac{1}{2}$; если же мы допустим, что утраченная идеограмма — это тоже идеограмма пшеницы, то получим точно $322 \frac{1}{2}$, но тогда наша надпись ничего не доказывает. В кносской надписи An 819 указано 18 мужчин и 8 детей, и они получают в месяц $97 \frac{1}{2}$ больших или 2340 самых малых единиц ячменя. Исходя из предвзятого взгляда, что мужчина получает в 5 раз больше ребенка, Палмер считает, что 18 мужчин получают 90 больших единиц (18×5), а 8 детей — 8 больших единиц. Но получается не $97 \frac{1}{2}$, а 98; поэтому он делает произвольное допущение, что один из ребят был маленький и получал половину порции нормального ребенка. Но не говоря уже о произвольности этого допущения, при такой порции ребенок умер бы от голода. Вдобавок при таком распределении малый ребенок получал бы в день 0,4 малой меры, а большой ребенок 0,8 малой меры; такие дробные пайки невероятны. Однако Чадуик (ук. соч., стр. 346, прим. 2) показал, что при решении алгебраическим путем неопределенное уравнение $18x + 8y = 2340$ малых единиц дает только одно осмысленное решение: $x = 90$, $y = 90$, т. е. и взрослые и дети получали одинаковый паек — 90 малых единиц в месяц, или 3 малые единицы в день. Итак, вся теория Палмера оказывается несостоятельной.

На стр. 107 слл. Палмер ставит интересный вопрос об экспорте товаров из микенских государств. Исходя главным образом из того факта, что в надписях часто упоминаются сосуды (karagewe) для благовонных масел и что такие же сосуды (очевидно, импортного происхождения) обнаружены в Фивах и Элевсине, притом с помеченными на них названиями критских городов, Палмер приходит к выводу, что предметом экспорта, в обмен

⁶ С. Я. Л у р ь е, Опыт чтения пиловских надписей, ВДИ, 1955, № 3, стр. 31, прим. 1.

на который микенцы получали золото, слоновою кость и т. д., были благовонные масла. Вероятно, так оно и было, но вряд ли это являлось главным предметом вывоза: как показывает Чадуик (ук. соч., стр. 352 и 354), более важную роль должен был играть экспорт тканей и медных изделий; объяснить, как Палмер, очень большое количество кузнецов военной опасностью нельзя. С этим связано толкование пилоесской надписи Jn 829. Здесь начальники селений (*koletere*, *daamate*, *rogokotere*), верховные жрицы (*karawirogo*) и должностные лица с непонятными для нас названиями сдают каждый определенное количество меди на изготовление оружия. Медь эта названа *kakonavijo*, *χαλκός ναΐσιος*. Слово *ναΐσιος*, рассуждая теоретически, может быть производным прилагательным и от *ναός* «корабль», и от *ναός* «храм». Палмер толкует это слово во втором смысле и предполагает, что в минуту смертельной опасности перед угрозой наступления дорян предписывается взять медные приношения из храмов и перековать их в оружие. Это красное объяснение, однако, вызывает ряд возражений: 1) в позднем греческом языке слово *ναός* (поп.-атт. *νήσιος*) в смысле «храмовый» не засвидетельствовано, но обычно в смысле «корабельный»; 2) нет оснований думать, что начальники селений могли распоряжаться храмовым имуществом. Поэтому гораздо правдоподобнее объяснение М. Миллера⁷, полагающей, что речь идет о «корабельной», т. е. привозной меди: в Пилоесском государстве медь не добывалась, ее приходилось привозить морским путем (главным образом с Кипра). Начальники селений закупали эту корабельную медь в обмен на сельскохозяйственные продукты и должны были сдавать определенное ее количество.

Картина микенской религии, нарисованная Палмером, также, по моему мнению, основана на фантастических построениях. Чтение знака (82) как *ja₂*, а следовательно, название божества *Rege* (82) как *Πέλεια* в надписи Та 316 не подтверждается контекстами, и ни у Гомера, ни в позднейшей Греции божество, которое называлось бы *Πέλεια* «голубка» (Palmer, стр. 124), пигде не засвидетельствовано. Как я уже показал⁸, нет также оснований понимать, как Палмер, в той же надписи *Diwoijewe* как «сына Зевса», так как *vié-*

Fei=vié не могло дать *ijewe* (исчезновение *o* не мотивировано).

То, что конь чтился в микенском мире как священное животное, было установлено уже ранее⁹, на основании как свидетельств Гомера, так и упоминаний в надписях о *dowejo iqo*, «деревянном коне», изображением которого снабжались микенские колесницы; Палмер напрасно считает это своим открытием. Но важно не это, а то, что отсюда еще нельзя заключить о существовании божества, которое называлось «Конь» (*iqo*): из надписи An 1281,1 мы знаем, что соответствующее божество называлось не *iqo*, а *Potinija Iqaja* «конская владычица» (позднейшая *Hirrona*). Палмер (стр. 96, 131) предполагает существование божества «Конь» на основании пилоесской надписи Fa 16: *iqo* (идеограмма травы *suregus* и цифра 8). Нам известно и из позднейших греческих текстов, и из микенских надписей Пилоаса и Крита, что трава *suregus* употреблялась как специя при изготовлении благовонных веществ. Конь же не питается благовонными веществами; значит, полагает Палмер, здесь речь идет не о корме для коня, а о приношении благовония божеству Коню (*iqo*). Однако известно из Гомера, что трава *κόπειρος*, *κόπαιρος* была любимой пищей коней и волов (Il., XXI, 351; Od., IV, 603; *hymn. Merc.*, 107; ср. Алкман, fr. 16, 38 Bergk). Правда, авторы позднейших сочинений по ботанике указывают, что было два сорта *suregus*: одно с корневищами, из которых готовились специи, а другое — кормовое растение. Но нет никакого основания думать, что в микенскую эпоху название *кураго* (= *κόπαιρος* — Алкман) применялось только к первому сорту.

Говоря об организации военного дела в Пилосе и на Крите, Палмер исходит из положения, что надписи свидетельствуют о положении в микенской Греции накануне дорийского нашествия и (вслед за Тричем¹⁰) соответственно толкует надписи. Я не нахожу нужным доказывать здесь неверность этого толкования, так как это уже сделано Чадуиком в его статье о микенской бюрократии (стр. 343 сл.). Остановлюсь только на отдельных предположениях Палмера.

В группе надписей, принадлежащих к разряду An-, речь идет о военных отрядах, во главе каждого из которых стоит *eqeta*, что выражается формулой *metaqe rei eqeta* (имя и отчество). Огромное большинство исследователей, и в том числе Палмер, толкуют эту формулу как «и с ними (*μετά τῆ σφείς*) NN». Я понимаю («Язык и культура...», стр. 326 сл.) это выражение несколько иначе: «В Ме-

⁷ M. Miller, Problems of the Economic Study of Bronze Age Greece, University of London, Institute of Classical Studies, Minoan Linear B Seminar, Minutes of the Meeting of May 29-th 1957.

⁸ S. Luria, Noch einmal Mykenisches im Kyprischen? «Glotta», XL (1962), 1—2, стр. 2.

⁹ Л у р ь е, Язык и культура микенской Греции, стр. 311 сл. (= «Minos», V, 1957, № 1, стр. 50 сл.).

¹⁰ F. J. Tritsch, The Women of Pylos, «Minoica», V., 1958, стр. 437 слл.

тапе вокруг (Μετάρει πε(ρ) NN». Я не считаю себя вправе настаивать на своем толковании; но нельзя же принимать первое толкование (Palmer, стр. 133: «и с ними экета X») и в то же время заявлять (там же): «Документ в целом содержит такие распоряжения из района *Μεταρυ*». Ведь ни в одном из документов этой группы *Μεταρυ* не читается, и такое заявление имело бы смысл только при принятии Палмером отвергаемого им моего толкования.

Больше всего поражает предложение Палмера видеть в *ρασιρευ* не βασιλεύς, а «начальника цеха кузнецов», а в *κερονσιја* не *κερονσιја* > *κεροσιја*, а «объединение кузнецов». Единственным основанием для такого предположения послужило для Палмера постулированное им «осадное положение» в Пилосе и то, что один из *ρασιρευ* принимает у кузнецов сдаваемые ими по весу медные изделия. Шантрен (ук. соч., стр. 267) указал уже на необоснованность такого предположения; принятие медных изделий могло быть лишь одной из функций *ρασιρευ*. Палмер противопоставляет свой метод — метод контекста — методу этимологическому, но он в этом непоследователен: конечно, контекст чрезвычайно важен, но если мы откажемся от толкования слов табличек по их звуковому совпадению со словами позднейшего греческого языка, то ни к чему не придем. Это показали попытки ученых, не приписывающих дешифровки Вентриса. И, несомненно, Шантрен прав, указывая, что звуковое совпадение разбираемых слов с βασιλεύς и *κερονσιја* слишком полно, чтобы быть случайным. Но Шантрен не обратил еще внимания на следующий факт (отмеченный мною в книге «Язык и культура», стр. 219 сл.). В кносской надписи As 1516

дан список людей по отдельным *ρασιρευ*ija: в каждой графе сначала указывается название района, затем имя каждого *ρασιρευ* (например, *Setoja Sukereu ρασιρευ*ija). Но в одном ряду с этими *ρασιρευ*ija назван в одной из граф *Konosija rawakeja*, где *rawakeja* соответствует *ρασιρευ*ija в других графах. Следовательно, *rawaketa* «воевода», один из *ρασιρευ*, *primus inter pares*, как Алкиной (Od., VIII, 390) τρισδραχτος по отношению к 12 другим басилеям. Последовательно рассуждая, Палмер должен был бы считать, что и *rawaketa* «воевода» был только начальником цеха кузнецов Кносского района, а это — нелепо. Палмер ссылается еще на тот факт, что имена двоих из *ρασιρευ* встречаются в числе кузнецов, но такое оперирование с именами совершенно произвольно, поскольку всегда в Греции было так, что несколько людей носили одно и то же имя, так как число имен было меньше числа людей.

Итак, в интересной книге Палмера много спорного. Дешифровка микенских надписей — это в очень многих случаях решение неопределенных уравнений со многими неизвестными. Конечно, самое спокойное и наименее хлопотливое дело — отправляться от «Documents» Вентриса и Чадуика, как от «классической» книги, суммирующей «уже достигнутое». Так и поступают, к сожалению, очень многие исследователи, а это вызвало в значительной мере застой в микенологии. Главная заслуга книги Палмера в том, что она заставляет сплошь и рядом усомниться в этом якобы «уже достигнутом» и побуждает исследователей к пересмотру ряда вопросов, казавшихся уже разрешенными.

С. Я. Лурье

А. И. НЕМИРОВСКИЙ, *История Воронежского ун-та*, Воронеж, цена 1 р. 40 к.

За последние десять-пятнадцать лет появился ряд новых книг, посвященных истории Поздней Римской республики и империи. Проблема кризиса рабовладельческого государства, который был связан с великими восстаниями рабов, движением Гракхов, перерождением республики в империю, упадком рабовладельческого Рима, не однажды привлекали к себе внимание наших историков. Гораздо менее повезло проблеме возникновения и становления рабовладельческих отношений в Риме. Книги на эти

раннего Рима и Италии, Изд-во 1962, 300 стр., тираж 3000,

темы не выходили уже весьма давно¹ — можно назвать лишь некоторое количество журнальных статей, посвященных отдельным вопросам истории раннего Рима.

Объяснять это приходится не меньшим значением для исторической науки про-

¹ Со времени появления в свет известной работы В. И. Модестова «Введение в римскую историю» (т. I—II, М., 1902—1904) у нас не вышло ни одного обобщающего труда, посвященного этой эпохе.